

## СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ SOCIOLOGY OF RELIGION



Серия «Политология. Религиоведение»  
2011. № 2 (7). С. 193–199  
Онлайн-доступ к журналу:  
<http://isu.ru/izvestia>

---

ИЗВЕСТИЯ  
*Иркутского*  
*государственного*  
*университета*

---

УДК 2-637.27

### Проблема религиозности в секулярном мире

Т. В. Бирюлина

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

Современный секулярный человек утратил опыт жизни в религии, хотя его религиозные потребности остались. При непроработанности сферы духа они начинают приобретать уродливые формы. Зрелая религиозность не возникает сама собой, для нее необходима внутренняя напряженная работа духа. Проблема современной религиозности является следствием кризиса духовности.

**Ключевые слова:** религиозность, секуляризация, кризис духовности, религиозный опыт.

Несмотря на то, что современное общество позиционирует себя как секулярное, огромная масса людей считает себя так или иначе верующими, религиозными. Причем эта религиозность достаточно часто принимает гротескные формы, крайним выражением которых является фанатизм и религиозный экстремизм. В более же простом и обычном выражении религиозность предстает в нерациональности, с точки зрения здравого смысла, каких-то действий или представлений, хаотичном смешении в мировоззрении одного человека научно-рациональных и иррационально-фантастических представлений и т. п. В итоге, наряду с признанием большой значимости религии, религиозного взгляда на мир в обществе, тем не менее, «качество» этой религиозности находится под вопросом. Религия оказывается либо «опиумом народа», либо «опиумом для народа», а сам Бог выступает лишь в качестве «Бога белых пятен». Причем все вышесказанное характерно не только для российского общества.

Истоки этого явления можно видеть в тотальном отвержении религии в Новое время. Успехи бурно развивающегося естествознания предлагали новый взгляд на мир. Церковь, уверенная в своей правоте и силе, не приняла этот вызов, отреагировав для своего времени стандартно – обвинением в ереси. Борцы за свободомыслие воспринимали религию как препятствие, оковы и искореняли ее. В итоге закрытость обеих сторон для диалога создала взаимный «образ врага», породивший различные химеры относительно друг друга, многие из которых существуют и до настоящего времени. Причем со временем пропасть все увеличивалась.

Тем не менее, следует отметить, по крайней мере, два фактора, которые повлияли на то, что религиозное мировоззрение не исчезает, а даже, наоборот, происходит обращение к религии. Первое – это то, что человеку необхо-

димо духовное измерение жизни. Причем сведение духовности к рациональности выделяет только один ее аспект и поэтому неизбежно примитивизирует жизнь духа. Душевно-эмоциональная жизнь при всей своей интенсивности не дает необходимой глубины. А атеистически-рационалистические обоснования морали привели к релятивизму и отрицанию человеческого вообще, что достаточно ясно показали фашистский и коммунистический режимы. Эти и другие события XX в. послужили вторым поводом для возрождения религиозного мировоззрения. Разочарование во всемогуществе науки, которая привела к глобальным экологическим катастрофам, поставила само выживание человечества под вопрос, совершенствуя оружие массового поражения, подталкивает искать выход в чем-то принципиально ином – в религии.

Таким образом, конец XIX–XX вв. характеризуется обращением к религии. Возникают новые религиозные движения, в которых происходит синкретизм восточных, христианских и научных представлений; как грибы после дождя плодятся паракристианские и псевдохристианские движения и т. д. Причем стоит заметить, что они, как правило, пользуются намного большей популярностью, чем традиционные религии или конфессии. И все они указывают «путь духовного самосовершенствования» и дают «опыт духовной жизни» для жаждущих духовности.

Атеизм возник как противопоставление религиозности, но мировоззренческую систему невозможно строить на негативных утверждениях. Утверждая совершеннолетие мира и самостоятельность человека, он, тем не менее, отказывает бытию человека в глубине. Как отмечает историк религии М. Элиаде [3], также и сам атеизм является во многом наследием предшествующей религиозности, а нерелигиозный человек продолжает жить в той же «системе координат», только с противоположными представлениями. Современный мирской человек остается потомком *homo religiosus*, и религиозное прошлое наших предков сделало нас такими, какими мы есть сейчас, с уже нашими мифами. Согласно Элиаде, нерелигиозность – это тоже исторический тип сознания: продукт процесса обмирщения, противопоставления религиозности. Даже у тех, кто объявляет себя атеистами, религия и мифология «скрыты» в глубине подсознания.

Элиаде приводит многие примеры того, как существующие в жизни современного нерелигиозного человека и имеющие для него особое значение события и переживания в сущности своей являются религиозными. Так, например, любовь к растениям, когда природа пробуждается от сна весной, восходит не к натуралистическому опыту, а к религиозному опыту возобновления (нового начала, нового сотворения) Мира, который и позволяет расценивать весну как воскрешение Природы. И вообще, очарование природой, видение в ней таинства и величия являются следами прежних религиозных ценностей и религиозного видения мира. Человек при этом испытывает некое смутное, не поддающееся определению чувство, в котором еще можно различить воспоминание об утратившем свою силу религиозном опыте. И вряд ли есть такой человек, который хотя бы раз не испытывал такое чувство. Большинство атеистов также до конца не расстаются с мифическими представлениями, живут «со скрытой мифологией», бессознательной порой и для них

самих. Это не только какие-то «пережитки» и «табу», а, например, празднование Нового года или переезда в новый дом (что имеет структуру обряда обновления), праздники по случаю бракосочетания, рождения ребенка, получения новой должности и пр. В каждом из этих событий видится несколько больший смысл, чем просто отметка в календаре. Но современный человек утратил способность сознательно жить в религии, понимать и разделять ее. А поскольку эта сфера оказывается подавленной, неотрефлексированной, то при определенных условиях начинает принимать различные уродливые формы, вырождаясь в фанатизм, экстатические переживания и т. п., или начинает акцентироваться сугубо обрядовая сторона религии, без ее духовного наполнения.

Отнесение религиозности к сфере бессознательного, с одной стороны, подчеркивает глубинное происхождение религии, а во-вторых, – ее важность, жизненность для человека. И хотя объяснение ее как вытесненной сексуальности З. Фрейдом является редуccionистским, для некоторых случаев такая трактовка также может быть верной, когда выражает искаженную религиозную потребность секулярного человека, «не умеющего жить в религии». К.-Г. Юнг понимает под переживанием греховности оторванность сознания от животной бессознательности, происшедшей еще с первобытным человеком, ощущение пропасти между сознанием и бессознательным, что преодолевается в магии, ритуалах, мифах и мистическом опыте и подобных техниках, раскрывающих сознанию бессознательное и помещающих в него человека. Он считает, что вследствие акцента западной культуры на внешнее, чувственное, рациональное, Запад уже давно сошел с естественного пути психического развития, в то время как Восток еще не окончательно сбился с него.

М. Элиаде считает бессознательное отражением многочисленных опытов познания бытия (особенно критических ситуаций), имевших место в далеком прошлом, когда само бытие отождествлялось со священным. Именно поэтому бессознательное обладает религиозной аурой. Собственно, в рамках религии в древности и разрешался всякий кризис бытия, связывая человека, как считалось, с высшим миром. Такое религиозное решение не только было способно разрешить кризис, но также делало существование «открытым» к особым ценностям, непреходящим и всеобщим, позволяющим человеку подняться над личными жизненными проблемами и в конечном итоге войти в мир духовного. Так священное прорывается в обыденную, профанную жизнь, делая возможным переход от хаоса к космосу, в подлинную реальность, так как только освященное божественным участвует в бытии, только священное является настоящей реальностью. Поэтому религиозная потребность, согласно Элиаде, – это потребность в Бытии, «ностальгия по Бытию», а отказ от реального мира – это не бегство в мир мечты или воображение, а «онтологическая одержимость», желание обрести «сильный, свежий и чистый мир», такой, какой он был в самом начале. Для религиозного человека мир был открыт, открыт в первую очередь потустороннему. Религиозный человек прошлого при помощи мифов и символов мог достичь универсальных ценностей, открыть для себя всеобщее и универсальное, приобщиться к жизни во всеобщем, быть ему открытым. Современный человек с помощью символов современного бессознательного выполняет эту роль лишь отчасти, на какое-то вре-

мя, не возвышая его до уровня духовности и будучи не в состоянии открыть какую-либо структуру реального.

Элиаде подчеркивал, что религия не обязательно предполагает веру в Бога, богов или духов, но означает опыт священного и, следовательно, связана с идеями существования, значения и истины. Об отождествлении подлинного бытия человека с религиозностью указывается и в экзистенциализме. Человек перестает жить поверхностно, а, ища себя самого, идя в свои глубины, обретает и Бога. К сожалению, бывает, что в религиозных кругах забывают об этом, сосредотачиваясь на внешней, обрядовой стороне. Поэтому возникает стремление доказать истинность и достоверность религиозных положений при помощи, например, естественных наук. Доказательства того, что современный здравомыслящий человек может также верить в Бога, превращаются в интеллектуальную игру, умаляющую и примитивизирующую как науку, так и религию. Но религия – это явление духовное, и потому прежде всего предполагает экзистенциальную интерпретацию и аргументацию.

Поэтому религиозная вера определяется не как некритическое принятие определенной информации (о человеке, мире, Боге), а скорее как доверие, для которого требуется глубокая жизнь духа, внутреннего человека. Это вера в силу добра над злом, в силу истины; полагание на внутреннее, а не внешнее; признание приоритета духовной, нравственной жизни. Поскольку душа (внутренний мир человека) так же реальна, как и тело, то тогда религия – это выстраивание себя, своей жизни, «судьбы» из глубины внутреннего мира. Для этого должен быть глубокий, развиваемый, прорабатываемый, рефлексированный внутренний мир, и разум, рацию играет здесь важную роль. Без развития духовности не может быть религиозности. Это будет псевдорелигиозность, закрывающая дверь к духовности, нравственности и подлинной внутренней жизни.

Сущность человека духовна, человек по своему существу – живой, личный дух [1]. Человек не определяется как тело или даже одушевленное тело, поскольку этим не обозначается и не постигается его главное естество. Человеку следует искать себя не среди вещей и объектов, о которых он мыслит, а в своей субъективной глубине, и в этой своей глубине человек есть живой, личный дух. На вопрос о том, что есть человеческий дух, можно дать много ответов, но они станут убедительными только при личном, опытным раскрытии этой сферы. Надо найти начало духовности в самом себе, много раз проверить и убедиться, что найденное – верно, затем утвердить свое собственное подлинное естество в этой духовной сфере, и после этого уже не бродить по случайным «окрестностям» своего существа, а жить из своего духа.

Таким образом, религиозность – это духовное состояние. Религия начинается с личной духовности. Когда люди пытаются быть религиозными вне духа и духовности, это ведет к опасным последствиям. Важным при этом оказывается поиск человеком самого себя, своих глубин, смысла жизни. Постигание того, что жизнь не пуста, что в ней существует нечто Главное, является началом духовности и религиозности, которая идет глубже, делая «экстраполяцию к Богу» [2]. Настоящий религиозный опыт состоит в том, что божественно-главные предметы жизни воспринимаются человеком из

главного и по главному. Они заполняют душу своими содержаниями, пронизывают ее до дна, созидают в ней новые акты и новую жизнь и возвратно излучаются из нее в мир – в своей неоскудевшей священности и непомеркшей значительности.

Человеческая душа, не способная к настоящему религиозному опыту, должна прежде всего понять необходимость религиозного очищения. Она профанирует, снижает, искажает священное. Она не способна обращаться к религиозным предметам из главного, по главному, с интенцией на главное. В ней нет того главного, священного ядра личности, из которого живет религиозный дух. Такой человек оказывается обращенным к предметам и людям своим неглавным, несвященным естеством. Он представляет собой хаос множества неупорядоченных, случайных, проносащихся содержаний, настроений, влечений и поступков. В его жизни нет Главного. В этой жизни нет безусловного критерия, нет высшего судии, нет духовного мерил. Все меряется низшими мерилками – приятности, пользы, выгоды, расчета, страха, опасности, жадности, честолюбия, тщеславия, властолюбия, гордыни, мести, обиды, злобы, зависти и т. п. Душа, не умеющая воспринимать из главного, воспринимает из не-главного. Если у такого человека и проснется «религиозная потребность», то она поведет к недуховной и противодуховной религиозности. Эта религиозность будет питаться корыстью и страхом, будет наполнена сделками с собой и мнимыми богами, лицемерными обманами и черствой сентиментальностью. Если у человека нет ядра, он легко будет подвержен чужому влиянию, особенно в сверхъестественной и надлогичной сфере религии. Он легко будет подвержен фанатизму и непримиримости. Он живет на поверхности и судит обо всем поверхностно, по заданным клише. При его обращении в религию не происходит углубления его «я», собирания его вокруг центра своей личности. Он остается тем же, что и был ранее – изменения происходят лишь на поверхности. Его внутренний мир не создается им, а перекопируется от других, и эти новые переживания создают для него иллюзию духовности.

Восприятие без интенции на главное вырождает религиозность человека. Люди становятся «религиозными», но подлинность и сила их религиозного опыта растеряна. Религия никогда не возникает из легкого скольжения по поверхности предметов, из безответственного прожигания жизни. Такой человек никогда не целен, он ничего и никого не любит глубоко, ни с чем не связывает себя окончательно, у него нет последних вопросов и последних ответов, а все относительно. Так умерщвляется религиозный опыт, а порождается безбожная культура. Восприятие жизни и предметов без интенции на главное ведет человека мимо всего великого и священного в хаос и духовную самоутрату. Он перестает видеть главное, его духовное зрение выделяет во всем одно эфемерное и ничтожное, в чем он и привыкает жить. Из людей, лишенных настоящей духовной культуры, не умеющих жить и воспринимать из главного, лишенных духовной интенции на главное и священное, не способных относиться к священному по главному, состоит толпа. Это люди, не ведущие личной духовной жизни и потому в высшей степени подлежащие законам массового аффекта, массовой эмоции и массового действия. Они

легко «заражаются» психозом, не относятся критически к процессу суггестии и к его содержаниям, легко теряют контроль над собой. Объединяясь на достаточно низком уровне восприятия и переживания, заражая, увлекая и разжигая друг друга, люди толпы не подозревают о своей духовной несостоятельности, а наоборот совершенно уверены в своей правоте. Поэтому причиной религиозных конфликтов является утрата подлинной религиозности, а не особая «религиозная ревность» по Богу.

Поэтому главной проблемой является кризис духовности современного общества, из которого вытекает кризис религиозности. Проблема заключается в том, что современный человек разучился жить в религии, его понятие о Боге искажено, для него речь о Боге потеряла смысл. Переживание духовного, равно как и вообще понятие о нем, оказывается сокрыто. Хотя порой человек может ненадолго вырваться за рамки обыденности в переживании красоты природы или явлений искусства, в состоянии любви к другому. Но, как правило, религиозный, духовный опыт чаще заменяется эмоциональными или эстетическими переживаниями. Тогда происходит поиск особых «духовных» проявлений или «даров» для подтверждения духовности, и человек обращается в мистицизм. Но внутренний опыт вообще может быть многообразным, и не всякий из них является духовным. В частности, в православной традиции существует понятие «прелести», когда человек «прельщается» на то или иное внутреннее переживание.

При непроработанности сферы духа, при отсутствии внутреннего стержня, базиса или ядра, вокруг которого собирается личность человека, последний становится легким и послушным объектом манипулирования со стороны личностей, как правило, с деструктивными устремлениями. Принимая главенство «веры» и отвергая логику и здравый смысл, такой человек погружается в океан собственного бессознательного, имеющего по своей структуре природу мифа. Так, например, сложность многомерного мира, по правилам мифологического сознания, сводится к одномерной дихотомии свой-чужой, что выражается, в частности, в религиозной нетерпимости. Также в периоды социальной нестабильности прежние рациональные построения рушатся и происходит скачок в миф, с одной стороны, отражающий мировосприятие хаоса, с другой – дающий возможность какого-либо (по преимуществу фантастического) упорядочивания этого хаоса, «приручения» непонятного, иррационального, подавляющего и враждебного мира. Но все это не имеет ничего общего с религией как жизнью духа.

Религия, духовность раскрывает новую сферу реальности, до этого неизвестную. Поскольку сфера духа оказывается *terra incognita*, то все что угодно может выдаваться за духовность, и человек впадает в мифологическое мировосприятие, отвергая весь прежний образ мира и бытия в нем. Причиной такой искаженной религиозности является не просто религиозная безграмотность, а неизведанность, непроработанность сферы духа, незнакомство с самим собой и своим внутренним миром, со своими глубинами. Религиозность подразумевает собирание человека, трезвение, обретение им своей подлинности и глубины. Жизни духа нужно учиться, чтоб жить духом, из духа. Дух же

определяется как самое главное в человеке, то, что человек принимает абсолютно всерьез. Кто обрел в себе это Главное, тот уже много знает и о Боге.

Из поколения в поколение, начиная еще с эпохи Просвещения, человек утрачивал не только религиозный опыт, религиозный акт, но также и само представление о нем. Утратив его, он разучился верить и забыл, что для религии нужен иной внутренний склад души. Теперь же, когда люди начинают догадываться об этом, то не знают, каков этот уклад, и что им надо изменить в себе для того, чтобы войти в него. Но религиозность невозможна без строительства собственной духовности, личного религиозного опыта. Требуется внутреннее делание, постоянное, безошибочное, верно направленное, т. е. долгая и напряженная работа над собой. Она заключается, прежде всего, в организовывании и очищении личного духа в его направлении к основе своего существования (т. е. к Богу). Тогда религия вновь станет не только учением, устанавливающим (в лучшем случае) нравственные нормы, а тем, что она есть по самому своему существу: глубокая жизнь, цельная жизнь человека в лучах Божиих, и лишь затем учение об этом [1].

1. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. В 2 т. / И. А. Ильин. – М. : ТОО «Рарогъ», 1993. – 448 с.

2. Робинсон Дж. А. Т. Быть честным перед Богом / Дж. А. Т. Робинсон. – М. : Высш. шк., 1993. – 159 с.

3. Элиаде М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М., 1994. – 142 с.

4. Хомич Е. В. Человек // Новейший философский словарь / гл. ред. А. А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Интерпрессервис ; Кн. Дом, 2001. – С. 1173–1174.

1. Ilyin I. A. Axioms of religious experience. In 2 Vol. / I. A. Ilyin. – M. : TОО "Rarog", 1993. – 448 p.

2. Robinson J. A. T. Being honest to God / J. A. T. Robinson. – M. : Vysshaya shkola, 1993. – 159 p.

3. Eliade M. Sacred and secular / M. Eliade. – M., 1994. – 144 p.

4. Homich E. V. Man // Modern philosophy dictionary / ed. A. A. Gritsanov. – Minsk : Interpresservis; Knizhnyiyom, 2001. – P. 1173–1174.

## Religiosity Issues in the Secular World

T. V. Biriulina

*Irkutsk State University, Irkutsk*

Contemporary secular person has lost experience of a life in religion though his religious needs are remained. If he has not been working through his spirit sphere, they get misshapen forms. Mature religiousness does not arise by itself; internal hard work of spirit is essential for it. Due to the problem of contemporary religiousness the crisis of spirituality occurs.

**Key words:** religiousness, secularization, crisis of spirituality, religious experience.

*Бирюлина Татьяна Владимировна – кандидат физико-математических наук, бакалавр теологии, преподаватель кафедры философии, религиоведения и теологии Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410б, тел. 8(3952)334372, e-mail: blue-sea@yandex.ru*

*Biriulina Tatiana Vladimirovna – Candidate of Physicomathematical Sciences, Bachelor of Theology, Lecturer of the Department of Philosophy, Religious Studies and Theology, the Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, Karl Marx st., 1-410b, phone 8(3952)334372, e-mail: blue-sea@yandex.ru*